

Пиршество продолжалось до самого комендантского часа. Лишь тогда соседи помогли убрать столы, стулья и посуду и разошлись под стук колотушки бродячего монаха. На следующее утро все поднялись на рассвете и отправились за город, чтобы с почтением проводить циньчая, возвращавшегося в столицу.

Едва рассвело, как на казенной дороге в западной части города показалась процессия циньчая. Маленькую повозку семьи Цуй городские чиновники и богачи оттеснили в самые задние ряды. Цуй Се был невысокого роста, поэтому просто встал на сиденье кучера и издали наблюдал, как вереница экипажей циньчая выезжает из городских ворот и с шумом катит мимо них.

Евнух Гао приподнял шторку экипажа и вполголоса прощался с пришедшими проводить его уездными чиновниками и гарнизонными военачальниками. Стражники Цзиньвэй, ехавшие верхом подле экипажа, внимательно оглядывали толпу, и один из них заметил его среди людских спин.

Подумать только: при таком росте ухитрился высунуть лицо!

Увы, статус не позволял юноше приблизиться к циньчаю — награжденный храбрец уже не представлял особой ценности. За городом собралось море людей, и большинство пришло лишь затем, чтобы мелькнуть перед глазами циньчая и завязать ниточку, ведущую в столицу. И лишь этот юноша пришел проводить по-настоящему: его взгляд был чистым и прямым, без малейшего желания прислужиться к евнуху ради карьеры.

Взгляд Се Ина задержался на его лице чуть дольше. Заметив, что юноша тоже увидел его, Се Ин слегка кивнул ему на прощание. Они были лишь случайными встречными, и теперь, когда поток развел их, такое сдержанное прощание было как нельзя более кстати.

Если у него есть будущее, то впереди их еще ждет встреча.

Процессия медленно тронулась и без остановок устремилась к столице. Вслед за ней тянулись разряженные повозки и породистые кони, сопровождавшие ее от одной придорожной беседки к другой. Цуй Се лишь провожал взглядом колонну, пока она не скрылась за густыми деревьями и туманной травой, а затем без всякого сожаления забрался в повозку и произнес:

— Возвращаемся в город.

Толпа провожавших уже почти рассеялась, казенная дорога опустела, и развернуть повозку не составило труда. Однако в этот момент к ним подошел стражник, приподнял шторку и сказал:

— Молодой господин Цуй, подождите. Наш господин просит вас зайти в уездный ямынь.

Цуй Се удивленно спросил:

— Господин ищет меня? Неужели в деле произошли какие-то изменения?

Стражник ухмыльнулся:

— Что может измениться в деле, где хозяин обвиняет слугу? К тому же к нему приложил руку сам высокопоставленный евнух, так что Министерство наказаний точно закроет его гладко и без помех. Господин приглашает молодого господина исключительно ради благого дела, так что ступайте в ямынь и подождите.

Цуй Се пригласил его в повозку, и вместе они доехали до уездного ямыня.

Он пробыл в приемной залы лишь около часа, когда начальник уезда Ци лично пришел навестить его. За ним следовали двое писарей, каждый из которых держал по деревянному подносу: на одном лежали слитки серебра, на другом — несколько отрезов ткани.

Начальник уезда Ци Чжэн Чжун произнес:

— Храбрый герой Цуй, не жалея себя ради государства, стал образцом для всех жителей Цяньаня. Императорский двор ниспослал милостивый указ, дабы восхвалить тебя, и наш уезд также обязан вознаградить сей праведный поступок. Здесь пятьдесят лянов серебра, два отреза ханчжоуского шелка и два отреза сунцзянского полотна — лишь скромный знак моего уважения. Прими это и не отказывайся.

Цуй Се поспешно поднялся и поклонился:

— Ничтожный благодарит начальника уезда Ци за щедрую награду.

Начальник уезда Ци придержал его за локоть, не дав поклониться. На его строгом и важном лице появилось теплое подобие улыбки. Он поинтересовался здоровьем его родителей в столице и спросил, почему тот вернулся на родину в одиночестве.

Отговорка Цуй Се о возвращении в родные края ради учебы была заучена до автоматизма. На сей раз он изложил ее настолько безупречно, что сам почти поверил, будто Цуй Цюэ с супругой души в нем не чают и отправили домой лишь затем, чтобы он мог спокойно учиться.

Начальник уезда Ци немного задумался и проговорил:

— Если речь идет лишь о том, чтобы получить звание шэньюаня, я еще могу тебе помочь. Через год состоится Великая аттестация Министерства чинов, и после нее меня, вероятно, переведут в другое место, однако я еще успею провести уездные экзамены в этом году. Не знаю лишь, какие каноны изучает молодой господин Цуй и есть ли у тебя готовые сочинения? Принеси их, дабы я мог взглянуть.

Цуй Се не мог сказать правду. Опустив глаза, он ответил:

— Ничтожный прочел не так много книг и еще не пробовал писать сочинения. Однако книгу «Сы шу чжанцзюй» я помню назубок и могу пересказать хоть задом наперед.

Изучил только «Четверокнижие»? И толку от того, что он помнит его хоть задом наперед, ведь кэцзюй не ограничивается лишь «Четверокнижием»! Молодому господину Цуй потребовались годы, чтобы осилить «Четверокнижие», разве хватит ему оставшихся двух лет, чтобы освоить каноны и научиться писать приличные восьмичленные сочинения и рассуждения по политическим вопросам?

На уездных экзаменах имена не шифруются, да и проверку сверху не назвать строгой — пропустить одного ученика не составило бы труда. Но если его работа окажется вопиюще слабой, а он все равно пропустит такого ученика, то что будет, если провалившиеся кандидаты устроят подлог и поднимут шум?

Начальник уезда Ци взвесил все за и против и со вздохом произнес:

— Коль уж говоришь, что помнишь назубок, сзади наперед, то прочти-ка по памяти «Лунь юй».

Из всех книг «Четверокнижия» именно «Лунь юй» хранит мудрые изречения и праведные

деяния святых мудрецов, являясь основой основ. Ни один образованный человек не допустит ошибки в нем, так пусть этот мальчик попробует пересказать его.

Цуй Се ответил:

— Мне нужно закрыть глаза, чтобы сосредоточиться на чтении по памяти. Прошу господина простить мне мою дерзость.

— Ладно, читай, — отмахнулся начальник уезда Ци. Ему было не особо важно, насколько хорошо тот справится. Он откинулся в чиновничьем кресле и приготовился слушать без особого интереса, однако услышал, как юноша, начав с первой главы, «Сюэ эр», стал произносить текст вперемешку с комментариями Чжу-цзы. Его речь звучала настолько гладко и естественно, будто он читал прямо по книге, и за несколько глав он не допустил ни единой ошибки.

Пренебрежение в душе начальника уезда Ци постепенно рассеялось. Он взмахнул рукой, останавливая юношу, и спросил:

— Ты сможешь столь же бегло прочесть любое место из «Четверокнижия»?

Цуй Се уменьшил PDF-файл до минимума, развернув все страницы прямо у себя в голове, так что мог одним взглядом охватить весь текст. Поскольку это происходило в его собственном сознании, мелкий шрифт ничуть не мешал чтению. Поэтому он уверенно произнес:

— Ученик действительно помнит всё. Прошу господина проверить меня по любому месту.

Начальник уезда Ци сам уже много лет не брал в руки «Четверокнижие» и опасался, что при проверке может что-то упустить. Он повелел слуге-прислужнику принести книгу, наугад открыл страницу и зачитал:

— Учитель сказал: «О скакуне цзи говорят не за его силу, а за его добродетель».

Эта фраза была из четырнадцатой главы, «Сянь вэнь», неподалеку от того места, которое он только что цитировал. Цуй Се без малейшего запинания продолжил:

— Цзи — название доброго коня. Добродетель же означает кроткий и благонравный нрав...

Начальник уезда Ци прервал его, пролистал еще несколько страниц и, остановившись наугад, провел пальцем по строке:

— «Здесь говорится о природе физических наклонностей, а не об изначальной природе человека». К какому предложению относится это пояснение?

Цуй Се тут же ответил:

— Сие суждение принадлежит учителю Чэну, а поясняет оно изречение из семнадцатой главы, «Ян хо»: «Учитель сказал: По природе своей люди близки друг другу, но по привычкам — далеки...»

— «Цзы-лу спросил о совершенном человеке».

— «Учитель сказал: Если бы кто обладал мудростью Цзан У-чжуна, бескорыстием Гун-чо...»

— «Гуань Чжун был советником Хуань-гуна...»

— «Гуань Чжун был советником Хуань-гуна, помог ему стать гегемоном среди князей и навел порядок в Поднебесной. Народ и по сей день пользуется его благодеяниями. Кабы не Гуань Чжун...»

Начальник уезда Ци с шумом пролистал несколько десятков страниц и внезапно выкрикнул, перебивая его:

— Шунь женился, не известив родителей, отчего так?

Этот вопрос совершил скачок от «Лунь юй» к «Мэн-цзы». К счастью, вчера Цуй Се штудировал «Четверокнижие» с усердием перед самым экзаменом, поэтому у него еще сохранились воспоминания. Он быстро пролистал несколько строк в голове, нашел нужный фрагмент и зачитал:

— Мэн-цзы сказал: «Если бы он известил их, то не смог бы жениться. Совместная жизнь мужчины и женщины — величайшее правило человеческих отношений...»

Вопросы начальника уезда Ци сыпались один за другим, все быстрее и быстрее. Цуй Се находился в крайнем напряжении, вглядываясь в мысленную страницу и непрерывно отыскивая строки: едва он находил нужный отрывок и успевал прочесть пару фраз, как его тут же прерывали, и ему приходилось без промедления переноситься к следующей строке. За время этой проверки он раз за разом охватывал взором весь текст «Сы шу чжанцзюй» — точно так же, как в обычной жизни человек видит страницу целиком и ищет на ней нужные слова.

В реальности человеческий глаз не способен мгновенно охватить такое количество знаков, однако в его сознании подобных ограничений не существовало. Перечитав текст с десятков раз, он запечатлел эту книгу в памяти весьма отчетливо.

Начальник уезда Ци не ведал о происходящем. Он задавал вопросы все стремительнее, как из пулемета сыпля цитатами из «Лунь юй» и «Мэн-цзы», а затем пролистал книгу к самому началу, к «Да сюэ», и спросил:

— «На омовельной чаше Тан-вана высечено надписание: "Если сможешь в один день обновиться, то обновляйся каждый день, снова и снова обновляйся"». Как это следует понимать?

Цуй Се зачитал пояснения, начиная со слов «Чаша есть сосуд для омовения», и не ошибся ни в едином иероглифе. На этот раз начальник уезда Ци не стал перебивать его, позволяя дочитать всю книгу «Да сюэ» до самой последней фразы: «Читатель же не должен пренебрегать сиим из-за его доступности».

Начальник уезда Ци захлопнул книгу, прерывая его плавное чтение, и, пристально взглянув на юношу, спросил:

— Ты за все эти годы читал только «Четверокнижие»? Сколько же трудов ты приложил, чтобы выучить его столь безупречно?

Цуй Се медленно выдохнул, открыл глаза и ответил со сдержанным почтением, но без лишней скромности:

— Ученика с детских лет воспитывала госпожа Сун. Позже, когда дедушка с бабушкой тяжело заболели, ученик ухаживал за ними и лишь в свободные минуты пролистывал «Сяо цзин» да читал с учителем несколько строк из «Четверокнижия». Однако, если господину угодно

проверить меня, вы можете взять любую книгу: прочтя ее лишь раз, ученик с уверенностью сможет запомнить часть написанного.

<http://bllate.org/book/18372/1761253>